

О. Н. ТУРЫШЕВА

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия)*

ORCID ID: 0000-0002-3014-6153

УДК 821.161.1-31(Пушкин А. С.)

DOI 10.26170/ufv20-04-02

НЕЗАМЕЧЕННАЯ ШЕКСПИРОВСКАЯ АЛЛЮЗИЯ В ПОВЕСТИ ПУШКИНА «СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ»

Аннотация. Статья посвящена анализу шекспировской аллюзии в повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Данная аллюзия обнаруживает себя в переживании Самсона Вырина, идентичном переживанию короля Лира. Это сокрушение отца о том, что его доброта и забота не были вознаграждены любовью и верностью со стороны дочери. В пушкиноведении доминирует мнение о том, что Пушкин в истории Самсона Вырина пародирует сентименталистскую переработку шекспировского сюжета, в частности, предпринятую в вольном переводе Н. И. Гнедича «Король Лир». В статье обосновывается гипотеза о том, что Пушкин не просто высмеивает «псевдошекспиризм» сентиментальной литературы, но и намеренно трансформирует образ шекспировского героя, присваивая ему не страдания вины, но муку жертвы – в отличие от версии Н. И. Гнедича, который, наоборот, выстроил образ короля на переживании вины. Доказывается, что такая редукция представляет собой художественную рефлексию Пушкина о трагическом герое. В «Станционном смотрителе» эта рефлексия нашла свою логику от противоположного (через лишение главного героя внутреннего конфликта и внутренней эволюции) – с тем, чтобы получить свою действительную реализацию в «Маленьких трагедиях», каждый герой которых является носителем трагической вины.

Ключевые слова: русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные герои; шекспировские аллюзии; трагический герой; трагическая вина; художественная рефлексия.

Корреспондирование «Станционного смотрителя» с трагедией Шекспира «Король Лир» было замечено давно. В рамках этого и других наблюдений над шекспировскими аллюзиями в произведениях Пушкина был установлен характер и источники знакомства поэта с текстами Шекспира. С одной стороны, общепринятым является мнение о том, что Пушкин читал английского драматурга по французскому прозаическому переводу Пьера Летуэрнера, сделанному в 70-е годы XVIII в. и изданному под редакцией Ф. Гизо и А. Пишо. С другой стороны, специалисты полагают, что Пушкин мог быть знаком с оригинальным текстом трагедии

«Король Лир», так как к 1828 году овладел английским языком в достаточной для этого мере (об этом: [Левин], [Алексеев]). При этом сообщение современной Пушкину английской печати о том, что он готовит перевод «Короля Лира», наука считает историческим анекдотом. В то же время пушкинские опыты перевода Байрона являются установленным фактом.

Есть ещё один (помимо оригинального текста и французского перевода) источник знакомства Пушкина с сюжетом трагедии Шекспира и размышления над ним. Это вольный перевод «Короля Лира» Н. И. Гнедича, изданный в 1809 году под названием «Король Леар». Версия Гнедича также была сделана с французского перевода трагедии Ж.-Ф. Дюсиса, который в свою очередь был не переводом первоисточника, а переделкой прозаического пересказа П. Летурнера, который читал Пушкин. Анализ этой русской версии и её сопоставление с повестью «Станционный смотритель» легли в основу гипотезы, согласно которой Пушкин в истории Самсона Вырина пародирует сентименталистскую переработку шекспировского сюжета, предпринятую Н. И. Гнедичем [Елиферова 2003, 2006, 2007]. Действительно, автор русской переделки устранил мотив деспотизма Лира, воплотив его историю в чувствительном сюжете о старике, оскорблённом неблагодарностью старших дочерей, но нашедшем утешение в доброте младшей. По мнению указанной исследовательницы, пушкинская версия пародирует сентиментальную переделку «Короля Лира» – за редукцию философской глубины первоисточника до наивной драмы.

В свою очередь, обнаружение «шекспировского субстрата» (М. В. Елиферова) не только в «Станционном смотрителе», но и в других «Повестях Белкина» легло в основу интереснейшей версии, согласно которой в образе Белкина Пушкин пародирует сентиментальный миф о самом Шекспире, бытовавший в сознании тогдашнего русского читателя: *«Шекспир [в рамках этого мифа] представлял не как поэт с длительной культурной традицией и образцовым чувством истории, а как мастер чувствительных историй, понятных любому мещанину. Комически заостряя клише этого мифа, Пушкин заставляет миф саморазоблачаться: вместо Шекспира перед читателем предстаёт*

Митрофанушка», – пишет М. В. Елиферова, небезосновательно именуя Митрофанушкой Белкина [Елиферова 2007: 19]. Белкин, таким образом, в рамках данной интерпретации предстает русским «эпигонем псевдошекспиризма», что и объясняет, по мнению автора гипотезы, наличие в «Повестях Белкина» комического, пародийного элемента.

Данная интерпретация основывается на изучении контекстного функционирования шекспировских сюжетов и образа самого английского поэта в пространстве русской культуры пушкинских времен. Эту интерпретацию могла бы поддержать и пушкинская концепция образа повествователя – титулярного советника А. Г. Н., в рассказе которого Белкин выслушал историю Самсона Вырина. То, что в его лице Пушкин высмеивает «доведенный до абсурда сентименталистский взгляд на мир», убедительно показал Вольф Шмид [Шмид 1996: 148].

Однако поэтологические основания есть и у самой гипотезы шекспировского происхождения пушкинской повести. Это, во-первых, давно отмеченное сходство самой сюжетной ситуации разрыва между отцом и «неблагодарной» (как думает отец) дочерью (об этом, например: [Купреянова], [Петрунина]), а во-вторых, трагическая концепция героя. На трагизме образа Самсона Вырина, например, настаивает М. В. Елиферова, обосновывая его «заблуждениями [героя] относительно своей роли в миропорядке» [Елиферова 2007].

Мы хотим добавить ещё один фактор: наличие в «Станционном смотрителе» реминисценции из шекспировского текста. Её обнаружение позволит настаивать на особом аспекте пушкинской концепции образа Самсона Вырина, в большей степени восходящей к шекспировскому первоисточнику, нежели к сентименталистской переделке «Короля Лира» Н. И. Гнедичем, а именно с ней в первую очередь предлагается сравнивать сюжет «Станционного смотрителя» в рамках изложенной концепции, что представляется дискуссионным. Реминисценция, о которой мы говорим, свидетельствует не только об иронии Пушкина в отношении сентименталистской переработки трагедии, но и об осмыслении собственно шекспировской концепции образа короля Лира, предпринятой в тексте повести.

Данная реминисценция обнаруживает себя в переживании Самсона Вырина, идентичном переживанию шекспировского героя. Это сокрушение отца о том, что его доброта и забота не были вознаграждены любовью и верностью со стороны дочери.

Напомним, что в трагедии Шекспира гнев Лира на дочерей – за строптивость (Корделия), за оскорбление и унижение (Гонерилья и Регана) сменяется недоуменным упреком детей в неблагодарности. И упрек этот прорастает в сознании Лира на почве уверенности в собственной отцовской безупречности: *«Я больше всех любил её»*, – сокрушается Лир об отказе Корделии участвовать в спектакле лицемерия; *«Надо переделать свою природу. – Такого доброго отца!»* – восклицает король, покидая Гонерилью; *«Я всё вам отдал!»* – сетует он, проиграв Регане спор о свите (цит. в пер. Б. Пастернака) [Шекспир 1996: 418, 443, 466].

Тем же переживанием открывается рассказ Самсона Вырина, адресованный повествователю – титулярному советнику А. Г. Н.: *«...уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье?»*. Как и король Лир, Самсон Вырин отказывается связывать суть произошедшего с характером своих отношений с дочерью (или с характером своего отношения к дочери), почитая себя за доброго и заботливого отца и возлагая вину на Дуню и её «похитителя».

В сентименталистской переделке Н. И. Гнедича мотив сокрушения отца о неблагодарности старших дочерей тоже присутствует, но он очевидно вытеснен мотивом осознания собственной вины и справедливости воздаяния судьбы. Более того, в «Короле Леаре» отсутствует сцена раздела государства между дочерьми в обмен на их признания в любви: у Н. И. Гнедича Лепар впервые выходит на сцену только в третьем явлении второго действия, и в момент своего появления сразу же свидетельствует о мучениях собственной совести. Сокрушение о неблагодарности детей у гнедичевского Лира подавлено переживанием вины перед Корделией: *«О неумолимая совесть, и ты Вольнерила! Вы пронзаете грудь мою огненными стрелами...»* – первая реплика Лепара. И далее: *«От царского величия низойдя на самую низкую степень, лишённый и того, чем последний раб наслаждается в нищете своей, я должен сгибаться под бременем*

презрения. Ни мои благодеяния, ни мои седые волосы, ни что не тронуло моей дочери. Боги, накажите неблагодарную Вольнериллу! <...> Скитаясь один во мраке пространных лесов, в страшных мучениях совести, я вспомнил о дочери моей, о изгнанной мною Корделии! Примечал все места, пещеры, пропасти, скалы, где какое-нибудь божество могло скрыть её. Увы! Я представлял себе её добродетели, её любовь ко мне и потом её тяжкое отчаяние, ту злосчастную минуту, когда изгнал её! Боги разъяренные! Наказывайте меня! Я вонзил нож в сердце невинности – мои благодеяния изливались на врагов, а друзья тяготились мною. О, лютое мучение! Кент, заклинаю тебя, умертви меня, смягчи прогневанных богов и природу, или умоли их, да помрачат они мой рассудок, что бы я не чувствовал ужаса терзаний!» [Гнедич]. Страдания вины перед «поруганной, изгнанной, низвергнутой» Корделией превосходят гнев и сокрушение Леара по поводу предательства старшей дочери: «Я оскорбил добродетель; горесть, угрызения совести, о Кент, помрачат мой рассудок, я предвижу...» [Гнедич]. При этом вина короля в русской переделке предельно смягчена по сравнению с шекспировским первоисточником. По Н. И. Гнедичу, Лир изгнал Корделию не в приступе самодурного гнева, а поверив клевете о том, что та состоит в заговоре против Британии с королём Дании, своим возлюбленным. Недаром Лир именуется у Н. И. Гнедича «невинно преступным». Однако такому – «невинно преступному» – герою автор русской переделки присваивает отчаянные терзания совести, которые тот готов разрешить самоубийством, что выразительно отличает образ Леара от оригинального образа короля бриттов.

В образе шекспировского Лира эти эмоции (гнев и отчаяние вины) находятся в других отношениях: сокрушение о неблагодарности дочерей преодолевается *постепенным* осознанием собственного греха. Переживание вины здесь не первостепенно (как у Н. И. Гнедича), а является результатом драмы самосознания. Прозревая свою вину, шекспировский герой понимает, что не вправе рассчитывать на благодарность преданной им дочери. И тем счастливее он в момент её прощения, и тем несчастнее – в момент её потери.

У Самсона Вырина – пушкинского Лира – подобного осознания не происходит: он страдает не из-за своей вины, а из-за предательства дочери, позволившей себе счастье вне отцовского дома и вопреки отцовскому завету. Ревность дочери к другому и обида на неё определяют степень страдания зрителя в гораздо большей степени, нежели тревога и боль за её судьбу, что убедительно показал Вольф Шмид, выявляя иронический характер пушкинского психологизма. «Горе Вырина проистекает не из ожидания им будущего несчастья Дуни, а из тайного убеждения в её нынешнем счастье... Только так можно объяснить, почему отец ... не верит в раскаяние и возвращение Дуни, почему он так не по-отцовски желает своей дочери смерти» [Шмид 1996: 124], заканчивая свою исповедь признанием: «*Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадет, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы...*» [Пушкин 1978: 96]. Упомянутое Самсоном «согрешение» никак не связано с осознанием собственной вины перед дочерью, оставаясь пустой риторической формулой. Подобно тому, как после смерти жены он распорядился жизнью Дуни, переложив на её плечи заботы о доме и часть своих служебных забот и предполагая, что Дуня будет принадлежать ему всегда, так и после её фактического побега (пусть и в слезах о нём) он распоряжается её будущим: в уверенности её гибели он желает ей смерти, при этом до конца считая себя безупречным и безвинно преданным отцом. Движения, подобного тому, которое переживает Лир Шекспира, в его образе нет. Важно, что и повествователь (чувствительный А. Г. Н.) также не чувствует вины Самсона, призывая своих слушателей к безусловному состраданию: «Бедный зритель!» – восклицает он, фактически цитируя Карамзина [Пушкин 1978: 96].

Выдвинем гипотезу о том, что Пушкин намеренно трансформирует образ шекспировского героя, лишая его внутреннего конфликта и присваивая ему не страдания вины, но муку жертвы ситуации – в отличие от версии Н. И. Гнедича, который, наоборот, выстроил образ короля на переживании вины.

Эту гипотезу может поддержать и мотив коленопреклонения. У Шекспира король опускается на колени пред дочерью

в надежде на её прощение. Пушкин воплощает этот мотив, используя сюжет блудного сына, преклонившего колени перед обнимающим отцом. Не подразумевается ли у Пушкина соотнесения этих ситуаций – трагедийной и притчевой? Если да (а это вполне возможно, учитывая их зеркальность: коленопреклонение отца перед дочерью, коленопреклонение сына перед отцом), то их корреспонденция акцентирует не что иное, как вину Самсона: он не способен ни к роли Лира (признать вину перед дочерью, т. е. символически склонить колени), ни к роли библейского отца (благословить выбор, а не наказывать неверием, пожеланием могилы и собственной смертью, т. е. символически обнять дитя).

Думается, что аллюзивное присутствие Лира в повести о Самсоне Вырине может быть важным основанием для возвращения к вопросу о функции сюжета притчи о блудном сыне в «Станционном смотрителе». И в этом случае аллюзия на «Короля Лира» выступит серьёзным контраргументом в отношении традиции отождествления Вырина с библейским отцом, заданной М. О. Гершензоном [Гершензон 1919: 122-127]. Вернее, аллюзия на «Короля Лира» поддерживает те трактовки пушкинской повести, в которых нравственная ориентация Вырина на модель евангельской притчи отвергается. Среди них самым убедительным мы считаем анализ В. Шмида, показавшего, что Пушкин «переносит роль библейского грешника на отца» – Самсона Вырина, что именно он – «нераскаившийся», «пропащий и блудный» [Шмид 1996: 124, 125, 127], поддержанная В. И. Тюпой [Тюпа 2001: 138, 143].

Добавим ещё один аргумент в пользу этой трактовки, не прокомментированный до сих пор в пушкинистике, насколько нам известно: повествователь отмечает, что подписи под картинками с эпизодами из евангельской притчи сделаны на немецком языке. Эта важная деталь, возможно, и акцентирует непричастность Вырина к евангельскому образу отцовства, непонимание им его нравственного содержания. Недаром же «немецкий язык» этимологически в русском языке – язык «немых», т. е. «говорящих неясно, непонятно» [Фасмер]. Вырин, как показал В. Шмид, в гордыне уверенности в собственной правоте отождествляет себя с другим евангельским персонажем – не с евангельским отцом,

а с добрым пастырем, Иисусом [Шмид 1996: 127-131]. Другую логику предлагает И. А. Есаулов, который «акцентирование немецкого колорита» и в картинках, и в надписях под ними трактует как свидетельство доминирования в них «бюргерской», «законнической» логики морального назидания, но не евангельской логики чуда, и именно этой бюргерской логике немецких картинок и следует Вырин, не допускающий возвращения дочери [Есаулов 2012]. И в рамках этой трактовки суть евангельского события остаётся Вырину непонятной.

В связи с этим следует пересмотреть и вопрос о трагизме образа пушкинского героя. Мы склонны считать Самсона Вырина не трагическим героем, а героем с трагической судьбой, причём обусловленной собственным неразумным эгоизмом: Вырин сходит в могилу, будучи не в силах перенести «отчаяние перед лицом победившего соперника» [Шмид 1996: 127]. Трагический герой у Шекспира, корреспонденцию с которым образа своего героя выстраивает Пушкин, – это герой, несущий ответственность за трагическую ошибку, герой, который является носителем осознанной трагической вины. В образе Самсона Вырина семантика вины, ответственности и искупления отсутствует. Будучи сосредоточен на боли обиды и поражения, он оказывается лишён автором и внутреннего конфликта, и внутренней эволюции – обязательных признаков трагического героя. В связи с этим возможно предположить, что в «Станционном смотрителе» нашла своё выражение не только пушкинская пародия на сентименталистскую трактовку шекспировского сюжета, но и пушкинская логика вникания в шекспировскую концепцию трагического героя, здесь – в истории Самсона Вырина – нашедшая своё воплощение *от противоположного*. Своё *действительное* воплощение она получит в «Маленьких трагедиях», каждый герой которых является носителем внутреннего конфликта и трагической вины. Недаром «Маленькие трагедии» Пушкин пишет в ноябре 1830 года – сразу после окончания «Повестей Белкина», созданных в сентябре-октябре болдинского заточения. Это наблюдение открывает возможность постановки вопроса о движении пушкинской мысли о трагическом герое и трагическом жанре.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М. П. Пушкин и Шекспир // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л. : Наука, 1972. С. 240-280. URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspir-i-russkaya-kultura6.html#bookmark52> (дата обращения: 26.03.2020).

Гершензон М. О. «Станционный смотритель» // Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М. : Т-во «Кн-во писателей в Москве», 1919. С. 122-127.

Гнедич Н. И. Король Леар. Перевод Н. И. Гнедича (1808 г.) с французской обработки Ж.-Ф. Дюси. URL: <http://gnedich.lit-info.ru/gnedich/perevody/korol-lir.htm> (дата обращения: 25.03.2020).

Елиферова М. В. Шекспировские сюжеты, пересказанные Белкиным // Вопросы литературы. 2003. № 1. С. 149-175.

Елиферова М. В. «Повести Белкина» и наивная стадия русского шекспиризма // «Лучших строк поводырь, проводник просвещения, лучший читатель». Книга памяти А. М. Зверева. М. : РГГУ, 2006. С. 189-208.

Елиферова М. В. «Повести Белкина» в контексте раннего восприятия Шекспира в России (1790–1830) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.

Есаулов И. А. О сокровенном смысле «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 25-30.

Куприянова Е. Н. А. С. Пушкин // История русской литературы : 4 т. Л. : Наука, 1981. Т. 2. С. 235-323.

Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л. : Наука, 1988. 326 с.

Петрунина Н. Н. Проза Пушкина. Л. : Наука, 1987. 334 с.

Пушкин А. С. Станционный смотритель // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. 4 изд. Т. 6. Художественная проза. Л. : Наука, 1978. С. 88-98.

Тюпа В. И. Притча о блудном сыне в контексте целого // Тюпа В. И. Аналитика художественного. М. : Лабиринт ; РГГУ, 2001. 189 с.

Фасмер М. Немец // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/n/немец> (дата обращения: 27.03.2020).

Шекспир У. Король Лир // Шекспир У. Комедии. Хроники. Трагедии. Сонеты : в 2 т. : пер с англ. М. : РИПОЛ, 1996. Т. 2. С. 413-546.

Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 372 с.

REFERENCES

Alekseev M. P. Pushkin i Shekspir // Alekseev M. P. Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya. L. : Nauka, 1972. S. 240-280. URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspir-i-russkaya-kultura6.html#bookmark52> (data obrashcheniya: 26.03.2020).

Gershenson M. O. «Stantsionny smotritel'» // Gershenson M. O. Mudrost' Pushkina. M. : T-vo «Kn-vo pisateley v Moskve», 1919. S. 122-127.

Gnedich N. I. Korol' Lear. Perevod N. I. Gnedicha (1808 g.) s frantsuzskoy obrabotki Zh.-F. Dyusi. URL: <http://gnedich.lit-info.ru/gnedich/perevody/korol-lir.htm> (data obrashcheniya: 25.03.2020).

Eliferova M. V. Shekspirovskie syuzhety, pereskazannye Belkinym // Voprosy literatury. 2003. № 1. S. 149-175.

Eliferova M. V. «Povesti Belkina» i naivnaya stadiya russkogo shekspirizma // «Luchshikh strok povodyr', provodnik prosveshcheniya, luchshiy chitatel'». Kniga pamyati A. M. Zvereva. M. : RGGU, 2006. S. 189-208.

Eliferova M. V. «Povesti Belkina» v kontekste rannego vospriya-tiya Shekspira v Rossii (1790–1830) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2007. 20 s.

Esaulov I. A. O sokrovennom smysle «Stantsionnogo smotritelya» A. S. Pushkina // Problemy istoricheskoy poetiki. 2012. № 10. S. 25-30.

Kupreyanova E. N. A. S. Pushkin // Istoriya russkoy literatury : 4 t. L. : Nauka, 1981. T. 2. S. 235-323.

Levin Yu. D. Shekspir i russkaya literatura XIX veka. L. : Nauka, 1988. 326 s.

Petrulina N. N. Proza Pushkina. L. : Nauka, 1987. 334 s.

Pushkin A. S. Stantsionny smotritel' // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. : v 10 t. 4 izd. T. 6. Khudozhestvennaya proza. L. : Nauka, 1978. S. 88-98.

Tyupa V. I. Pritcha o bludnom syne v kontekste tselogo // Tyupa V. I. Analitika khudozhestvennogo. M. : Labirint ; RGGU, 2001. 189 s.

Fasmer M. Nemets // Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/n/nemets> (data obrashcheniya: 27.03.2020).

Shekspir U. Korol' Lir // Shekspir U. Komedii. Khroniki. Tragedii. Sonety : v 2 t. : per s angl. M. : RIPOL, 1996. T. 2. S. 413-546.

Shmid V. Proza Pushkina v poeticheskom prochtenii. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1996. 372 s.